

ЦЕНЗУРА

**В
ЦАРСКОЙ РОССИИ
И
СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ**

Материалы конференции

24-27 мая 1993 г.

Москва

95-3
5378

2

**Цензура в царской России
и Советском Союзе**

*Материалы конференции
24 – 27 мая 1993 г.
Москва*

МОСКВА • РУДОМИНО • 1995

КОНТРОЛЬНЫЕ ЭКЗЕМПЛЯРЫ

о выделении и сокращении бумаги на издание и т. д. ». См.: ЦГАОР, Ф. 9999425, оп. 2, д. 302, л. 30.

33. О своем знакомстве (в разные годы) с разными аспектами деятельности спецхрана рассказали, в частности, некоторые участники международного симпозиума «Современное науковедение и перестройка советской науки», проходившего в Киеве 10-13 октября 1990 г., в том числе член-корреспондент АН УССР А.Н.Боголюбов при обсуждении доклада «Принцип спецхрана» автора данной статьи.

34. В разных библиотеках этот процесс проходил в разной форме и разными темпами В ГПБ в 1990 г. в отделе спецфондов оставалось приблизительно 30 тыс. единиц иностранной литературы и 20 тыс. русской. В ЦНБ АН УССР из 40 тыс. Русской, 10 тыс. иностранной и 23 тыс. иностранных журналов не оставалось уже ничего, в спецфонде еще были иностранные газеты и так называемая украинская националистическая литература. Причины тому, главным образом, технические: отсутствие площади, темп обработки.

35. См. данный сборник, раздел «Библиография материалов о спецхране, опубликованных в 1987-1991 гг. в периодической печати».

36. См., например, Голубовский М.Д. На пути к дневному свету // Советская библиография. — 1989. — № 4. — С. 14-16.

37. Для того, чтобы отправить письма своим зарубежным коллегам, советский ученый должен был составить список отправлений по утвержденной форме, отпечатать его в нескольких экземплярах, получить подпись директора и круглую печать, затем снести на почту, часть экземпляров списка оставалась на почте, часть подшивалась в исходящих института.

38. См.: там же, приложение 4, 5, 6, 7, 10, 12, 16.

39. См.: Конашев М.Б. Лысенкоизм под охраной спецхрана // Репрессированная наука. СПб. — 1992 (в печати).

40. См. данный сборник, раздел «Некоторые документы по истории спецхрана», приложение 4.

41. В данном случае, также как и в ряде других, автор, к сожалению, не может привести точных данных, ссылок на документы и т. п. Автор выражает свою признательность за консультативную помощь всем лицам, которые ее оказали, в особенности участвовавшим в конференции: В.Н.Соколову, С.Ф.Варламовой, Н.Б.Парамоновой.

42. См.: данный сборник, раздел «Некоторые документы по истории спецхрана», приложение 9.

43. Автор не приводит конкретных примеров, так как не имеет возможности сослаться на какие-либо документы, но о самом факте такого варварства говорили зав. Отделами ЦНБ, АН УССР Л.А.Дегтяренко и БАН Н.Б.Парамонова. См. также статью Н.Б.Парамоновой в данном сборнике.

С. Ф. Варламова

Гл. библиотекарь Российской национальной библиотеки, СПб.

К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ И РАЗВИТИЯ СПЕЦФОНДОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ им. М.Е.САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА

Попытка обратиться к истории спецфондов Государственной публичной библиотеки (ГПБ) предпринята впервые. Она стала возможна лишь после 1985 г., когда с развитием гласности в нашей стране были сняты ограничения на публикацию в печати сведений о спецхранах библиотек.

Наличие спецфондов не является особенностью только советских библиотек.

Эта система в той или иной форме присуща всем крупнейшим библиотекам мира с функциями государственных книгохранилищ как следствие цензуры печати, корни которой уходят в XV век. Идея создания цензуры в ее наиболее жестком варианте, как предварительной, принадлежит папе Сиксту IV (1471 г.). [1]

По примеру Ватиканской библиотеки было создано так называемое «секретное» отделение в императорской Публичной библиотеке как «особое хранилище для всех тех печатных книг и рукописей, которые по силе законов для цензуры книг изданных, должны скрыты быть от большей части публики, но которые могут находиться в имп. Публичной библиотеке, во-первых потому, что она есть вместилище книг всякого рода, во-вторых, что и запрещенные книги иногда нужны бывают для справок самому правительству». [2] После революции издания, запрещенные царской цензурой, были переданы в открытые фонды и составили основу коллекции «Вольная русская печать».

В советский период начало ограничению изданий по политическим и идеологическим мотивам было положено декретом СНК «О печати» от 27 октября (9 ноября) 1917 г. Декретом пресекался выпуск контрреволюционных изданий и устанавливался государственный контроль за печатью. При этом оговаривался временный характер принимаемых мер, которые должны быть отменены «по наступлению нормальных условий жизни». [3]

Создание спецфонда ГПБ относится к началу 20-х г., когда советская цензура сформировалась как жесткая система политического контроля и охраны государственных тайн в печати.

В настоящее время в отделе специального хранения (ОСХ) ГПБ — два самостоятельных фонда: спецфонд отечественной и иностранной литературы и фонд ведомственных отечественных изданий с грифом «Для служебного пользования» (ДСП). Каждый из них имеет свои особенности и свою историю.

Режим хранения изданий спецфонда определялся в централизованном порядке Главлитом СССР и его местными органами. Мотивы ограничения использования этих изданий носили, как правило, политический и идеологический характер.

В отличие от изданий спецфондов режим хранения изданий «ДСП» определяется самими ведомствами в целях охраны государственных и служебных тайн, а порядок работы с ними регламентируется ГАУ СССР.

Спецфонд

Состав спецфонда ГПБ за все годы его существования был, по существу, зеркальным отражением политики КПСС на разных этапах развития советского общества.

До середины 30-х гг. поступления в спецфонд были малочисленными и состояли, в основном, из иностранной литературы. Положение резко изменилось в середине 1930-х гг. с началом массового изъятия отечественных изданий из общих фондов библиотек по политическим мотивам. Это было вызвано политической борьбой в партии, в результате которой были репрессированы многие видные партийные и советские деятели. Той же участи подверглись и их книги. Думается, что не случайно этот процесс начался в 1935 г., вскоре после убийства С.М.Кирова, когда репрессии приобрели особый размах.

Первым из документов на изъятие литературы был акт-список 1 от июля 1935 г., включающий все книги Троцкого, а также отдельные произведения Зиновьева, Каменева и других политических деятелей.

К концу 1930-х гг. изъятия из общих фондов библиотек возросли. Это было связано с расширением круга репрессированных лиц, среди которых, кроме партийных и советских работников, оказалась также значительная часть высшего военного командного состава, писатели, художники, деятели искусства. Изъятию подвергались не только книги репрессированных авторов, но и литература о них,

а также издания, содержащие статьи или отдельные фрагменты из их работ. За период с 1935 по 1938 г. из общих фондов ГПБ в спецфонд поступило свыше 49 тыс. Экземпляров отечественных изданий.

Однако наиболее массовый характер процесс изъятия литературы из общих фондов библиотек принял в конце 40-х — начале 50-х гг. За эти годы поступления в спецфонд ГПБ составили свыше 75 тыс. Экземпляров изданий на русском и других языках народов СССР, значительно превзойдя изъятия 1930-х гг. В результате объем русской части спецфонда ГПБ достиг на 01.01.1956 г. максимальной цифры — 122 тыс. Ед. пр.

Ужесточение диктата господствующей идеологии в послевоенный период имело место не только в области политики (фабрикация таких процессов как «Ленинградское дело», «Дело врачей»), но и распространилось на гуманитарные науки, естествознание, литературу и искусство, приобрета уродливые формы борьбы с космополитизмом и формализмом. Практическое воплощение в жизнь этой политики наглядно видно на примере ГПБ как одного из крупнейших книгохранилищ страны. Многомиллионные фонды библиотеки, универсальность их характера, максимальная полнота репертуара отечественных изданий вызвали ряд дополнительных мер органов цензуры непосредственно в ее адрес.

Впервые в этот период по распоряжению местных органов Главлита СССР был осуществлен идеологический просмотр по содержанию всех фондов и каталогов ГПБ и введен ряд ограничений на выдачу читателям литературы из открытых фондов. В результате фронтальной проверки всех фондов ГПБ в 1948-1955 гг. в спецфонд поступили материалы, ранее не подлежащие изъятию из общих фондов, в том числе и рукописные (в частности, материалы «Дома Плеханова»). В 1930-х гг. книги с «политическими дефектами» были оставлены в «Доме Плеханова» для внутренней работы сотрудников. По-видимому, решающую роль в этом сыграла личность Р.М.Плехановой, в те годы возглавлявшей «Дом Плеханова». В 1948-1952 гг. в спецфонд были переданы не только книги из личной библиотеки Г.В.Плеханова, но и рукописи его архива (письма Бухарина, Зиновьева, Каменева, Троцкого и др.). Большинство оригиналов рукописей в начале 1980-х гг. было передано в ИМЭЛ.

Функции ГПБ как государственного книгохранилища, призванного сохранить отечественные издания на века, порой входили в противоречие с указаниями директивных органов, как это было с циркуляром Главлита СССР № 8 (1949 г.) об удалении из книг, в том числе и поступающих в порядке обязательного экземпляра (ОЭ), отдельных фрагментов, содержащих «политические дефекты». В течение почти пяти лет продолжалась борьба работников ГПБ за сохранение в целостности хотя бы одного из двух ОЭ, поступающих в библиотеку. Для этого первые экземпляры были переданы в спецфонд, а исправления вносились во вторые экземпляры изданий и книги подсобных фондов. Однако органы цензуры потребовали внести соответствующие исправления и в первые экземпляры. Дважды дирекция библиотеки ставила этот вопрос перед Управлением библиотек Комитета по делам культуры учреждений и дважды (1950 г. и 1954 г.) Комитет принимал соответствующее решение. В результате обязательный экземпляр был сохранен.

Особое положение сложилось с периодическими изданиями. Как правило, отечественные газеты и журналы не подлежали изъятию из общих фондов библиотек, в том числе и издания 20-х-30-х гг., содержащие публикации репрессированных авторов. Все они оставались в открытых фондах ГПБ. Определенные ограничения в выдаче этих изданий были там, но в целом, периодические издания были доступны более широкому кругу читателей, чем книги спецфонда.

Во второй половине 50-х гг., с началом восстановления социалистической законности, поступления отечественных изданий в спецфонд стали сокращаться. Однако и в новых условиях продолжали действовать старые приемы идеологической борьбы с политическими противниками. Так, в 1953 и 1959 гг. были изъяты

из общих фондов библиотек все книги Берия и участников антипартийной группировки Молотова, Маленкова, Кагановича и др.

В этот период в спецфондах библиотек сложилась парадоксальная ситуация — книги жертв репрессий порой соседствовали на полках с книгами их палачей. В архиве спецфонда сохранился любопытный документ — письмо А.В. Чичинадзе, народного артиста РСФСР, главного балетмейстера Музыкального театра им. Станиславского и Немировича-Данченко (от 14.09.1973 г.) на имя директора ГПБ с просьбой выслать ему фотокопию книги его отца — профессора Московского инженерно-строительного института им. В.В. Куйбышева — В.А. Чичинадзе «Земо-Авчальская гидроэлектрическая станция им. В.И. Ленина», М.; Л., 1936 г.). Автор книги был незаконно репрессирован и погиб в 1937 г. Весь тираж его книги по приказу Берия был уничтожен в 1938 г. Сохранившийся в ГПБ экземпляр поступил в спецфонд в 1958 г. именно из-за цитат Берия.

В 1960-е гг. изъятие литературы из общих фондов библиотек сократилось до минимума. В этот период репрессивные меры распространялись прежде всего на произведения авторов-диссидентов и носили порой более жесткий характер, чем в предыдущие годы. Так, впервые в истории советской цензуры были изъяты из общих фондов библиотек журналы — отдельные номера «Нового мира» с произведениями А.И. Солженицына.

В 1970-е гг. поступления в спецфонд отечественной литературы составили в основном книги эмигрантов третьей волны.

Всего за период с 1956 г. по 1984 г. в спецфонд поступило 22 тыс. Ед. гр. отечественных изданий.

Поступления в спецфонд иностранной литературы носили иной характер. Они не были самоцелью, а являлись частью общей политики библиотеки в области иностранного комплектования, направленной на обеспечение полноты фондов и информации читателей. Неслучайно, библиотеки имели право с 1947 г. отражать иностранную литературу спецфонда в общих служебных каталогах, а с 1956 г. — и в читательских каталогах. Комплектование спецфонда иностранными изданиями (книгами и периодикой) осуществлялось, в основном, за счет внешних источников в соответствии с общим профилем комплектования ГПБ и результатами предварительного цензурского просмотра всех новых поступлений. Издания, содержащие, по мнению цензора, материалы антисоветского, антикоммунистического характера, помечались специальными знаками на титульном листе, что и было основанием для направления их в спецфонд.

В 1920–1940 гг. источники поступления иностранной литературы в ГПБ были крайне скудны ввиду сложного международного положения и состояния изоляции, в которой находился Советский Союз. Положение резко изменилось в 50-х гг. С апреля 1954 г. Публичная библиотека получила право самостоятельного ведения международного книгообмена, который стал основным источником комплектования фондов ГПБ иностранной литературой. Значительно увеличились и поступления по валютной выписке.

С увеличением общих поступлений иностранной литературы рос и объем иностранной части спецфонда. Так, по сравнению с 1941 г. количество иностранных книг спецфонда увеличилось к 1960 г. более чем в 8 раз (в 1941 г. их было всего 4 тысячи). С конца 50-х гг. 97 — 99% всех поступлений в спецфонд стали составлять зарубежные издания (в основном, периодика). Однако по сравнению с поступлениями в открытые фонды они были незначительны (2%). Общий объем спецфонда ГПБ за все годы его существования, в основном, не превышал 1% объема всех фондов ГПБ.

С 1986 г. Главлит СССР начал коренной пересмотр критериев ограничения иностранной литературы. В результате поступления в спецфонд резко сократились, а в 1988 г. были сведены на нет. Одновременно были сняты ограничения со всех

иностранных изданий прошлых лет (за исключением произведений лидеров нацизма, порнографических изданий и литературы по взрывчатым веществам).

Состав спецфонда неоднократно претерпевал изменения в соответствии с изменением политической обстановки в стране. Первый этап значительного его сокращения за счет перевода литературы в общие фонды библиотеки имел место в конце 1950-х — начале 1960-х гг., в период «оттепели» после XX съезда КПСС. Главлитом СССР были пересмотрены критерии ограничения отечественной и зарубежной литературы, упрощен порядок допуска читателей к материалам спецфонда. В результате к массовому читателю возвратились труды многих партийных, советских работников, представителей науки и творческой интеллигенции, необоснованно репрессированных в 1930-1950-х гг. Всего за период с 1955 по 1962 гг. из спецфонда в общие фонды ГПБ было передано свыше 144 тыс. ед. хранения отечественных и иностранных изданий.

Однако процесс пересмотра состава спецфондов библиотек в этот период оказался половинчатым, как и сам процесс политической реабилитации. В спецфондах продолжали оставаться произведения авторов, являвшихся лидерами оппозиционных течений в партии (Бухарин, Зиновьев, Каменев, Рыков, Томский, Троцкий и др.) или в той или иной мере с ними связанных. Более того, начиная с 1957 г. имело место частичное возвращение в спецфонд ранее переданных в общие фонды изданий.

В 1970-х — начале 1980-х гг. состав спецфондов библиотек продолжал постепенно сокращаться. В этот период были предприняты меры довольно своеобразного характера, направленные на расширение доступа массового читателя к иностранным периодическим изданиям. Так, с 1972 г. Главлит СССР ввел порядок «означивания» отдельных страниц иностранных периодических изданий научно-технического профиля, содержащих «политические дефекты». Позднее круг их был расширен за счет журналов по искусству. Это позволило оставлять в спецфонде только «означенные» страницы, а сами произведения передать в открытые фонды. Обращения читателей в спецфонд за «означенными» страницами были единичными. В 1989-1990 гг., когда причины ограничений отпали, изъятые ранее страницы были включены в экземпляры основных фондов ГПБ, и полнота изданий была восстановлена.

Вместе с тем, как и в прежние годы, в спецфонд ГПБ продолжал поступать ряд периодических изданий, отдельные страницы из которых были удалены на стадии цензорского просмотра, о чем делалась соответствующая пометка на самом издании. Такого рода изъятия касались, в основном, общественно-политических изданий, содержащих антисоветские материалы секретного режима хранения. Ни ГПБ, ни другие крупнейшие библиотеки города не имели права получения и хранения такого рода материалов. Попытки Публичной библиотеки добиться права получения иностранной литературы особого режима хранения оказались безрезультатными.

Сам факт такого варварского обращения с изданиями как резка страниц не мог не вызвать возмущения читателей и библиотекарей, но, учитывая обстоятельства того времени, из двух зол приходилось выбирать меньшее. Таким образом, обеспечивалась полнота комплектов иностранных периодических изданий, поступающих в ГПБ.

С 1987 г. начался второй, наиболее значительный этап пересмотра состава спецфондов библиотек в связи с решениями XXVII съезда и XIX партконференции КПСС о дальнейшем развитии демократизации и гласности в нашей стране и результатами работы комиссии по реабилитации, созданной при Политбюро ЦК КПСС. Пересмотр состава спецфонда осуществлялся поэтапно в централизованном порядке специально созданной межведомственной комиссией и был завершен в 1990 г. отменой всех ранее изданных распоряжений Главлита СССР об ограничениях отечественной и иностранной литературы по политическим и идеологическим мотивам и принятием Закона СССР «О печати и других средствах массовой информации».

Спецфонду ГПБ предстояло передать в общие фонды библиотеки свыше 270 тыс. Ед. хранения отечественной и иностранной литературы. Процесс передачи начался с середины 1987 г. и должен быть завершен к 1995 г., к переезду библиотеки в новое здание. Длительность процесса передачи не ущемляет интересов читателей. Все издания спецфонда по мере снятия ограничений сразу же становились доступны широкому кругу читателей.

Фонд изданий «ДСП»

В системе спецфондов ГПБ особое место занимает фонд отечественных изданий ведомственного характера, ограниченных самими ведомствами в целях охраны государственных, военных и служебных тайн.

Фонд изданий «ДСП» создан при ОСХ ГПБ в 1959 г. Основу его составила единовременная передача из основного русского фонда ведомственных изданий с различного рода ограничительными грифами, а затем с введением в 1966 г. единого грифа «ДСП», основным источником его пополнения стал обязательный экземпляр. За период с 1960-х по 1980-е гг. пополнение фонда «ДСП» шло нарастающими темпами и к 1990 г. составило 94,5% от общих поступлений литературы в отдел специального хранения. В результате фонд «ДСП» по своему объему превзошел спецфонд более чем в 2 раза.

В конце 1980-х гг. начался процесс сокращения новых поступлений изданий «ДСП», но пока он не коснулся поступлений прошлых лет. В результате только в Публичной библиотеке полумиллионный фонд изданий «ДСП» остается недоступным широкому кругу читателей. Проблема раскрытия фондов «ДСП» в настоящее время является первоочередной для многих библиотек страны. Тем более, что зачастую в них попадают издания, никакого отношения не имеющие к государственным или служебным тайнам. Так, например, в фонд «ДСП» до сих пор поступают стенографические отчеты заседаний клуба «Свободное слово» при Союзе кинематографистов СССР, на которых обсуждаются художественные фильмы, статьи известных писателей, опубликованные в открытой печати.

Сложность проблемы с изданиями «ДСП» в том, что право снятия грифа имеют только издающие организации. В библиотеке информация об изменении режима хранения изданий не поступает. Запрашивать каждую организацию при большом объеме фондов библиотеки не в состоянии. Большую сложность представляет и установление адреса издающего ведомства, особенно при его реорганизации. Кардинальное решение вопроса нам видится в пересмотре критериев ограничения такого рода материалов, по сути дела не являющихся секретными, и введении временного порядка действия грифа. ГПБ отправила эти предложения в ГАУ СССР еще в конце 1986 г., но пока результатов нет. Думается, что судьба изданий «ДСП» должна быть определена Законом «О государственной тайне».

Выводы

История спецфондов ГПБ в ее основных чертах характерна для спецфондов других библиотек страны и является наглядным примером того, насколько свобода информации находится в прямой зависимости от уровня развития демократии и правовых норм государства.

Отсутствие четкой правовой основы, господство субъективизма в ограничении литературы по идеологическим мотивам, имевшее место в нашей стране в 1930-х — начале 1950-х гг., привели к созданию спецфондов библиотек в таких гипертрофированных масштабах, какие не могли не сказаться отрицательно на развитии науки и общества в целом. Вместе с тем, система спецфондов имела и позитивное значение — она позволила сохранить для будущих поколений издания, тираж которых был почти полностью уничтожен. Дальнейшая судьба спецфондов будет зависеть от принятия соответствующих законодательных актов и осуществления на практике механизма их действия.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. — СПб., 1903. — Т. 74. — С. 948.
2. Описание торжественного открытия имп. Публичной библиотеки бывшего января 2 дня 1814 года. — СПб., 1814. — С. 192.
3. Декреты советской власти. — М., 1957. — Т. 1. — С. 24.

Н.Б.Парамонова

Ст.научный сотрудник БАН РФ

РАСКРЫТИЕ КНИЖНЫХ ФОНДОВ СПЕЦХРАНА В БИБЛИОТЕКЕ АКАДЕМИИ НАУК СССР

Волна гласности вынесла спецхраны страны в центр внимания широкой общественности и поставила перед библиотеками массу новых проблем, решить которые оказалось не так просто. Достаточно вспомнить шумевшие публикации по поводу «запретов», «отказов» в выдаче той или иной информации читателям, помещенные в газетах «Советская культура», «Литературная газета», журналах «Смена», «Литератор», «Огонек», «Советская библиография» и др. [1]

Стремясь к расширению свободы научной информации и удовлетворению читательского «голода», накопленного за последние 60 лет, библиотекари не могут не считаться с реальными условиями, которые существуют в спецфондах: значительный объем книжных собраний, большая часть которых не отражалась в общих читательских каталогах, причем собрания, весьма сложных и по тематике, и по научной ценности, и по читательскому назначению, и по языковому составу, разнообразие источников поступления в спецхраны, что создает определенные трудности при возврате литературы ее прежним держателям [2], малочисленность штата сотрудников, которым предстоит выполнить большой объем работ по раскрытию этих собраний.

Опыт крупных библиотек показал, что существуют два пути раскрытия спецхрановских фондов: один, условно названный нами «штурмовой», когда большое число дополнительно выделенных сотрудников поспешно составляют акты передачи литературы в общие фонды, проводя одновременно документальную проверку, и второй — дифференцированный, предусматривающий внимательный отбор наиболее ценной литературы в фонд редких изданий и передачу оставшейся части в фонды общего пользования.

На наш взгляд, растворение в общих фондах редких изданий из фондов спецхрана, слепое следование этой модной тенденции не только недальновидно, но и вредно.

Известно, что отделы фондов ограниченного пользования (спецхраны) имелись и имеются во всех крупнейших библиотеках мира с функциями государственных либо ведомственных книгохранилищ. Здесь на протяжении многих десятилетий собирались, обрабатывались и выдавались читателям, имеющим специальное разрешение, печатные и иные документы, содержание которых составляет государственную тайну, а также издания, широкое распространение которых признано официальными властями нежелательным по политическим, идеологическим и иным мотивам. Таким образом, говоря о спецхранах советских библиотек, мы имеем в виду книжные собрания, представляющие в значительной части библиографические редкости, ибо, как правило, тиражи поступивших сюда изданий были уничтожены в годы репрессий или расчитаны на ограниченный круг потребителей. Это обстоятельство накладывает на современных хранителей таких фондов особую ответственность перед будущими читателями. Основным правилом для библиотечарей должно стать гиппократовское «Не вреди!», тем более,

СОДЕРЖАНИЕ

Открытие конференции	3
Красный карандаш: цензурный комитет, Главлит, спецхран	7
Писатель, переводчик, редактор	32
Вера и интеллектуальная свобода	54
Право узнавать. Печать. Информация. Чужие голоса	70
Цензура в театре и кино	92
Ученый и цензура	118
Свобода научной информации и охрана государственной тайны: прошлое, настоящее, будущее. <i>Материалы конференции</i> <i>(фрагменты) 24-26 сентября 1991 г. Ленинград</i>	148